

Александр ВАМПИЛОВ

КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ

(Окончание. Начало на 14—15 страницах).

ГАЛИНА. Ну да. Так я вам и поверила.

САЯПИН. Без вас просто невозможно.

БРЯНСКИЙ. Галка! Раз будет бал, значит, должна быть королева. Иначе мы сопьемся — грубо, примитивно. Ты бы этого... не хотела. Правда?

САЯПИН (берет ее за руку). Идемте, вы не полагаете.

ГАЛИНА. Ну хорошо. Только ненадолго.

Уходят направо.

ВАХТЕР. Вот они как! Разбойники!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В доме Кузакова. Часы в спальне показывают час ночи. Мрачный Кузаков ходит по дому — из комнаты в комнату, останавливается у окна, смотрит, прислушивается, снова ходит. Но вот он взял газету, развернул ее, сел в кресло, просмотрел газетные странички, задержался на одной из них, взгляд его стал задумчивым и неподвижным. И вот послышались нарастающие звуки марша, исполняемого духовым оркестром, свет на сцене медленно погас, повернулся круг, и луч света вырвал из темноты кусок трапа, перед которым с микрофоном в руках мечется Брянский, а Саяпин, широко расставив руки, осаживает напуганную толпу. (Актеры должны дать представление о толпе, жестикулируя на грани света и темноты). Второй луч света выхватывает из темноты стоящую в другом конце сцены Галину. В руках у нее букет цветов. Ее взгляд пригвожден к трапу, на котором появляется ее муж. Он появляется сверху, из темноты. Кто он? Летчик-испытатель, космонавт — не все ли равно. Он блистательный военный, герой, которому удалось наконец посетить родной город. Он приветственно машет рукой, улыбается и сходит вниз.

Подобострастно улыбаясь, Брянский уговаривает его сказать несколько слов по микрофону. Он хмурится, берет микрофон и говорит несколько слов. Брянский рассыпается в благодарности, расшарки-

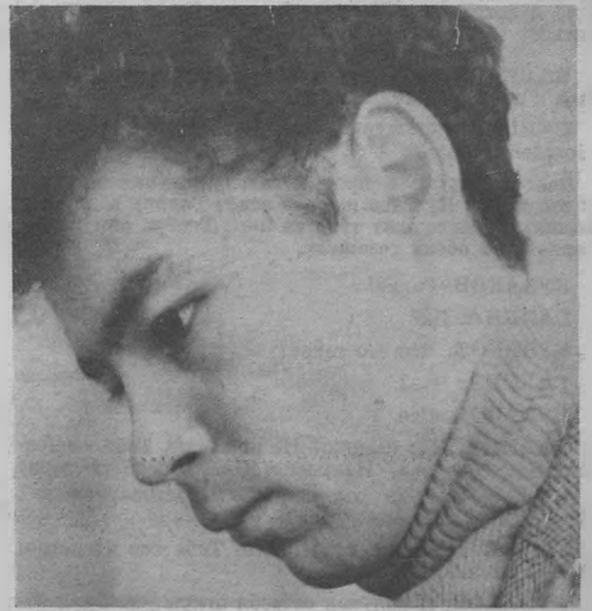
вается и спешит сдерживать толпу перед идущим Кузаковым.

Процессия приближается к авансцене, и луч, освещающий Кузакова, гаснет. Галина идет вслед, она мечется, стараясь протиснуться вперед, встает на цыпочки, подпрыгивает. Но нет, он ее не видит, их разделяет толпа. Она в отчаянии. Музыка гремит фортиссимо. Гаснет луч, освещающий Галину, и через мгновение в темноте возникает проходная будка с женщиной-вахтером, стоящей перед закрытой дверью. В эту дверь тщетно пытаются проникнуть Брянский и Саяпин. Они стучат себе в грудь, размахивают руками, показывают удостоверения, протягивают руки, словно за подающим. Брянский становится перед вахтером на колени, но вахтер немолчим.

В это время появляется шикарно разодетый Кузаков. Горделивой походкой он направляется прямо к вахтеру. Изумленные Брянский и Саяпин расступаются, вахтер распахивает перед Кузаковым дверь. В дверях Кузаков останавливается, небрежно закуривает сигарету, обернувшись, бесцеремонно разглядывает Брянского и Саяпина. Те смущены. Они переминаются с ноги на ногу, Саяпин застегивается на все пуговицы. Брянский не знает, куда деть руки. Наконец Кузаков нечаянно роняет спички, Брянский и Саяпин бросаются поднимать эти спички и рвут друг у друга из рук. Кузаков, пожав плечами, удаляется, в то время как они продолжают борьбу за право ему услужить. Затем луч на сцене гаснет, из затаившего оркестра отделяется кларнет, который пародирует лирическую тему из первой картины.

Но вот уже луч света направлен на Кузакова, сидящего в кресле. На этот раз на нем китель военного летчика и фатовские брюки из шикарного гардероба того деятеля, перед которым открыты все проходные будки мира. Он со скучающим видом просматривает газету.

Второй луч приводит к его креслу Галину, такую печальную, тихую, пришедшую просить прощения. Он поднимается, подходит к окну и, молча, стоя к

ней спиной, выслушивает ее горячую и длинную покаянную речь. В конце концов он не выдерживает и великодушно открывает ей свои объятия. Два луча объединяются в один. Кузаков и Галина целуются, потом он говорит ей несколько строгих слов, потом они снова целуются, потом он поднимает ее на руки, они целуются в третий раз, после чего он несет ее на тахту, садится рядом.

А в это время раздается тихий стук. Кузаков поворачивает голову к двери, но счастливая Галина привлекает его к себе. Стук повторяется, и Кузаков, нехотя, с досадой поднимается, идет к двери и, следовательно, исчезает в темноте. Некоторое время Галина на тахте одна, затем луч гаснет, и кларнет постепенно умолкает.

В доме Кузакова зажигается свет, Кузаков дремлет в кресле, на полу валяется газета, которую он уронил. К нему стучатся.

КУЗАКОВ (не вполне очнувшись, голосом человека, которого так не вовремя отвлекли). Кто это, черт подери?.. (Очнувшись, голосом человека, у которого жва возвращается во втором часу ночи). Сейчас!.. (Поднимается, открыл дверь).

Вошла Галина, молча разделась, молча хотела пойти в другую комнату. Кузаков ее остановил.

КУЗАКОВ. Где ты была?

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

Патрик ДЮПОН:

«ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ ИСКУССТВА»

Был такой замечательный русский француз Мариус Иванович Петипа, на протяжении десятилетий царствовавший на Мариинской сцене и оставивший в наследство балетному миру непревзойденные образцы классического танца.

В честь 175-летия со дня рождения Мариуса Петипа в Большом театре проводится четырехдневный фестиваль танца. В нем принимают участие русские и французские звезды балета во главе с нынешним руководителем прославленного театра «Гранд Опера» — «Опера Гарнье» Патриком Дюпоном.

Патрик Дюпон в свой первый московский вечер был усталым и не очень в форме. Поэтому тот короткий разговор, что состоялся у звезды французского балета и корреспондента «ЭС», трудно назвать интервью: так, несколько вопросов наспех и несколько ответов. Впрочем, совсем несомненных. И обещание дать газете более пространное интервью в ближайшем ее номере.

Мне чуть-чуть известен Дюпон-собеседник, немногим

больше Дюпон-танцор. И тот, и другой предпочитают отшлифованные нюансы и в словах, и в жестах. И тот, и другой склонны к философии и к меланхолии. Оба педагогичны и четки в выражении своего человеческого и сценического «Я». И оба совершеннейшие поэты!

— Мсье Дюпон, вы сегодня первая звезда французского балета. Извините, за такое высшее начало...

— Это не так. Совсем не так. Первая звезда угадала.

Ни мир, ни Париж не примирились со смертью Рудольфа Нуриева. Точнее, никто не желает перемирия в этом мезальянсе — Нуриев и Смерть. Не желают, потому что осознание факта ужасно, несмотря на то, что он был ожидаем, несмотря на то, что балетный мир, затаив от ужаса дыхание, ждал этого. Все же, как оказывается, между готовностью к факту и осознанием его — бездна, космическая по своему размаху. Нуриев был первой величиной. И хотим мы того или не хотим — его звездная колыхель останется пустой. Надолго ли? Может, надолго. Может, навсегда. Гении рождаются пару раз за несколько столетий. Нельзя стать повстанцем первым оттого, что твое законное место перемещается в сторону

опустевшего. Нынешний отсчет мирового балета начинается с цифры два...

— Вы приехали на родину Рудольфа Нуриева. Вы собираетесь выйти на сцену Большого театра и станцевать в самой красной композиции на свете — в «Тенях». Это предполагает какой-либо трепет или страх?

— Я вообще достаточно суеверен и консервативен. Сценическая площадка — это живая среда. Обжитая, если ты танцуешь на ней годами. Таковой является для меня сцена «Опера Гарнье». Любая другая — terra incognita. Она может готовить как сюрпризы, так и провокации, может принять или отбросить. Может стать твоей живой средой, может тебя обесилить. И неважно, это площадка московского Большого театра или миланской «Ла Скала».

— И все же, чего вы ждете больше: сюрпризов, провокаций?

— Надеюсь приручить эту среду. Есть некая фатальная привлекательность в том, что я буду танцевать на родине Рудольфа Нуриева.

— Вы безусловно серьезно, мсье Дюпон...

— Мы говорим об очень серьезных вещах.

— Давайте сменим на мгновение тему. Вы как-то собираетесь развлечься в Москве? Куда-то пойти, что-то увидеть?

— Пока не знаю. Возможно, захочется в хорошей компании посетить какое-то уютное место. Например, ресторан.

— Москва нынче не самое пригодное место для гастролей. И весьма печальный сюжет, когда разговор заходит о состоянии культуры.

— Я достаточно слышан о том, что происходит у вас. Может быть. Но так ли уж печально обстоит дело с сюжетом, в котором отводится место памяти Мариуса Петипа? Вот, кстати, мы заговорили еще об одном гении. Потом печаль — не самая плохая вещь на свете. В искусстве много печального...

Беседу вела
Натэла МЕСХИ.

ПРЕДВКУШЕНИЕ

Танец Натали

Неугомонная труппа О'Кей, кажется, всерьез решила провести в жизнь свою завидную программу синкретического театра и синтетического актера. Ее руководитель Ольга Шведова (О. К. можно расшифровать и как «Ольга и К°») переработала для сцены лиричнейшую повесть И. Бунина «Натали», предусмотрев слеп драмы, вокала и пластики. Заглавную роль с удовольствием согласилась взять на себя Людмила Семеновна.

Андрей ПЕТРОВ.

ПОСЛЕВКУСИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ ПОДКОРМКА

В связи с очевидным наступлением весны гостеприимный Центральный дом актера имени А. А. Яблочниной и его радушная хозяйка Маргарита Эскина решили раз в месяц подпитывать журналистскую братию благотворительными обедами. Великодушие бескорыстно, поскольку вечера в ЦДА традиционно отличаются наплывом публики и не нуждаются в рекламе. Надо полагать, плоды заботливого ухода появятся раньше осени.

Глеб ДЕМЬЯНОВ.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО